

УДК 81'25

Коваленко И. Н.

ЯЗЫКОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ПЕРЕВОДАХ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ КАК СОЦИОЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

В статье анализируются переводы научных текстов с английского на русский язык в сфере менеджмента и социологии, изданных в последнее время. Выявлены нарушения эквивалентной и прагматической норм перевода, а также лексические единицы, приводящие к искаженной декодировке семантики исходных текстов. Определен перечень языковых трансформаций лексических средств, связанных с эмоционально-субъективной оценкой авторов переводов.

Ключевые слова: научно-техническая литература, перевод, искаженная декодировка, языковая трансформация, лексические средства.

Коваленко І. М. Мовні трансформації в сучасних перекладах наукових текстів як соціолінгвокультурна проблема. – Стаття.

Аналізуються переклади з англійської мови російською наукових текстів у сфері менеджменту й соціології, виданих останнім часом. Виявлено порушення еквівалентної та прагматичної норм перекладу, а також лексичні одиниці, які призводять до спотвореного декодування семантики вихідних текстів. Визначено перелік мовних трансформацій лексичних засобів, пов'язаних з емоційно-суб'єктивною оцінкою авторів перекладів.

Ключові слова: науково-технічна література, переклад, спотворене кодування, мовна трансформація, лексичні засоби.

Kovalenko I. N. Language transformations in modern translations of scientific texts as sociolinguistic and cultural problem. – Article.

Translations of scientific texts from English into Russian in the field of management and sociology have been analyzed. Violations of equivalent and pragmatic translation norms and lexical units, leading to a distorted decoding of semantics sources, have been revealed. The list of linguistic transformations of lexical resources associated with emotional and subjective evaluation of authors' translations are presented.

Key words: scientific and technical literature, translation, distorted encoding, linguistic transformation, lexical means.

Постановка проблемы. В глобализованном мире, широко использующем и опирающемся на достижения мировой культуры, резко возрастает значение межкультурных коммуникаций. Из-за этого повышаются требования к формированию адекватной переводческой культуры. Художественная проза, поэзия, научные, научно-технические тексты имеют свои переводческие особенности и сложности. Однако если при неудачном переводе художественного текста может пострадать главным образом эстетическая сторона восприятия произведения читателем, то при неточном переводе научно-технического текста потери могут быть более значительными: перевод может оказаться неадекватным оригиналу и исказить первоначальный замысел.

С возникновением новых независимых государств на территории бывшего Советского Союза серьезные экономические трудности отвлекли внимание от культуры (в том числе необходимости ее финансирования), в частности, ухудшилось качество переводов научной и научно-технической литературы. Экономия на привлечении к работе научных редакторов перевода, редакции порой стали выпускать недоброкачественную продукцию, вводящую читателей в заблуждение. Возникает необходимость обратить внимание на качество и адекватность переводов научной литературы.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучению проблем перевода научной литературы на русский язык посвящены многие работы отечественных и зарубежных ученых [1–10]. Их анализ показывает, что в целом в переводимом

тексте используются те же языковые средства, что и в других видах письменных сообщений, однако часть отдельных лексических и грамматических компонентов в них иная, как отличается и выбор синонимических альтернатив, часто нагруженных специфическим содержанием, непонятным лингвисту – непрофессионалу в соответствующей научной отрасли. Занимаясь той или иной научной сферой знаний, автор обычно делает главный упор на логическую, а не на эмоциональную сторону информации.

Переводной научный текст (далее – НТ) ухудшается, когда искажаются или заменяются слова, то есть нарушается семантика на лексическом уровне. Перевод никогда не сводится к простой замене одной формы на другую, переводчику приходится постоянно решать, значение каких единиц языка перевода наиболее соответствует содержанию оригинала [7, с. 10]. Переводной научный текст как система, которая реализует акт межкультурной коммуникации в сфере науки, при неточном переводе теряет лаконичность содержания, строгость формы и даже эквивалентность оригиналу. Хороший перевод, по мнению В.Н. Комиссарова, должен обеспечить передачу информации во всех деталях, вплоть до значений отдельных слов [8, с. 18]. Для читателя перевода текст перевода должен служить полноправным представителем оригинала, он как бы и есть оригинал [7, с. 2].

Перевод научного текста считается равноценным оригинальному тексту, когда соблюдаются основные нормы перевода, что не приводит к

сдвигам в семантике всего текста, то есть основная цель переводчика является достигнутой.

Норма перевода складывается в результате взаимодействия таких пяти видов нормативных требований:

- нормы эквивалентности перевода;
- жанрово-стилистической нормы перевода;
- нормы переводческой речи;
- прагматической нормы перевода;
- конвенциональной нормы перевода [8, с. 32].

Качество перевода научного текста зависит прежде всего от содержательной близости перевода оригиналу, то есть смысловой доминантой при переводе НТ является норма эквивалентности перевода. Она не является единственной значащей характеристикой при процессе перевода любого НТ. Научный текст, коммуникативно равноценный оригиналу, на наш взгляд, невозможен без еще одной составляющей – прагматической нормы перевода, которую В.Н. Комиссаров понимает как «стремление обеспечить желаемое воздействие на рецептора» [8, с. 210]. В случае НТ прагматическая ценность заключается в максимальной приближенности к оригиналу (на лексическом и словосочетательном уровнях, на уровне предложения). При этом, как и В.Н. Комиссаров, мы считаем, что абсолютная тождественность содержания оригинала и перевода не только невозможна, но и не нужна [8, с. 40].

Отличительным признаком перевода является его предназначение, основная цель – служить коммуникативной заменой оригинала [7, с. 15]. Различия, существующие в вербальном опыте и зафиксированные в языке оригинала, при трансформации из одной языковой системы в другую могут сохранять особенности культурно-языковой среды, которая обусловила языковые феномены. Эмоционально-экспрессивные лингвистические средства, отражающие особенности культурно-языковой среды, употребляемые в переводном НТ, зачастую либо искажаются, либо замещаются на неравнозначные по смыслу языковые единицы; при этом также страдают норма эквивалентности перевода и прагматическая норма перевода.

Целью статьи является исследование выполнения разных видов нормативных требований к переводу в двух широко используемых текстах в сфере менеджмента и социологии, принадлежащих перу классиков.

Изложение основного материала. Для анализа мы выбрали переводы двух популярных научных монографий, изданных сравнительно недавно, одна из которых посвящена менеджменту, а другая – социологии. Это работы П.Ф. Друкера “Management: Tasks, Responsibilities, Practices” [11] (в переводе – «Менеджмент: задачи, обязанности, практика» [12]) и Ф. Фукуямы “Trust. The social virtues and the creation of prosperity” [13] (в

переводе – «Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию» [14]). Эти тексты стали классическими, они используются массовой аудиторией и служат учебниками либо учебными пособиями (в особенности монография П.Ф. Друкера). Поскольку они формируют профессиональное мировоззрение, неточности перевода могут негативно повлиять как на профессионализм, так и на мировоззренческие установки будущих выпускников вузов.

Перевод книги П.Ф. Друкера изобилует неточностями в тех отрывках, где по воле автора перевода в тексте появляется нетерминологическая, стилистически окрашенная лексика. Всего в тексте объемом в 839 страниц мы обнаружили 25 примеров неточного перевода, некоторые из которых приводим ниже.

Предложение “*But a domestic sales manager was unacceptable and despised*” [11, с. 63] в русском переводе передано так: «*В отличие от него менеджер по продажам внутри страны такой возможности не имел и вообще был всеми презираем*» [12, с. 81]. «Вообще презираемый всеми менеджер», появившийся в тексте и являющийся переводческой экстраполяцией, усиливает негативное содержание оригинала в переводе, придавая последнему несколько иной смысл, чем тот, что заявлен в оригинале. Приводим свой вариант перевода: «Однако отечественный менеджер по продажам был неприемлем и презираем».

В отрывке “<...> *but the banks clearly felt that Krupp's treatment of the company as property was improper*” [11, с. 385] игра слов “property-improper” исчезает в переводе: «<...> *но банки прекрасно осознавали, что отношение семьи Крупп к компании как к своей безраздельной (нет в оригинале) собственности было неправильным*» [13, с. 482]. Безапелляционность высказывания, характерная для русского перевода, «смыкает» контекст, свойственный оригиналу, и вводит в текст эмоциональный усилительный компонент, усиливая категоричность. Наш вариант перевода: «<...> *но банки явно чувствовали, что отношение Круппа к компании как собственности было совсем не собственническим*».

В примере “*Genetically, so to speak, management did not evolve out of the small owner-managed firm and as a result of its growth*” [13, с. 85] русский перевод подан так: «*Можно сказать, что генетически менеджмент развился не из мелкой фирмы, находящейся под исключительным (нет в оригинале) контролем владельца, и что он не является результатом ее расширения*» [14, с. 82]. Употребленная форма «фирма, находящаяся под исключительным контролем владельца» отражает культурологическую языковую реальность автора перевода, в которой нормой является употребление единичных категоричных языковых высказы-

ваний, усиливающих эмоциональную насыщенность текста, которой нет в оригинале. Приводим свой вариант перевода: «Генетически, так сказать, менеджмент не развился из управляемой собственником мелкой фирмы в результате ее роста».

В примере *“The firing-line manager should not be expected to make decisions which he cannot make”* [11, с. 416] словосочетание “firing-line manager” переводится таким образом: «От менеджера, работающего на переднем крае, нельзя ожидать решений, принимать которые он не уполномочен» [13, с. 522]. Переводчик использует «старые» ассоциативные связи, связанные с “firing-line manager”, неудачно замещая его на языковое выражение разговорного жанра 1960-х годов. Считаем, что более удачным был бы перевод «менеджер первого звена» или «менеджер, находящийся в форс-мажорных обстоятельствах», учитывая тот факт, что в военной терминологии это означает человека, находящегося на линии огня, того, кто вынужден первым принимать бой. Наш вариант: «От менеджера первого звена не следует ожидать решений, которые он не может сделать».

В предложении *“The plums always go to those who do the best job filling out accounting-department forms”* [11, с. 432] автор перевода выбрал нейтральный вариант, который в принципе возможен, игнорируя тот факт, что текст в переводе лишается актуализации семантических возможностей, характерных для любого англоязычного НТ. Так, по мнению В.Н. Комиссарова, английский НТ имеет ряд особенностей, которые отражают иную семантику текста: «В английских научных текстах встречаются эмоциональные эпитеты, образные и фигуральные выражения, риторические вопросы и тому подобные стилистические приемы <...> свойственные разговорному стилю или художественной речи» [5, с. 130]. Русский перевод указанного отрывка («Победителями всегда оказываются те, кто лучше всего заполняет бухгалтерские бланки» [12, с. 541]) лишает текст эмоциональной составляющей, которая на семантическом уровне закодирована в английском НТ. В тексте явно обозначены потери лингвокультурных ассоциаций, которые связаны с детством любого англичанина: “Plums” в Англии ассоциируется с известным всем ее жителям детским юмористическим стихом:

Little Jack Horner
Sat in the corner
Eating his Christmas pie.
He stuck in his thumb
And pulled out a plum,
Saying “What good boy am I”.

В русском варианте эмоциональный компонент стихотворения упущен. Наш вариант перевода: «Лавры всегда достаются тем, кто лучше всех заполняет бухгалтерские формы».

Отрывок *“<...> a manager attempt to avoid misdirection through changing his manners has converted a fairly satisfactory relationship into a nightmare of embarrassment and misunderstanding”* [11, с. 433] в русском тексте отражен таким образом: «<...> попытка менеджера избежать неправильного управления путем изменения манеры поведения приводила к тому, что вполне удовлетворительные взаимоотношения становились источником неприятностей и непонимания» [12, с. 541]. Английское “nightmare” взрывает текст, тогда как русское существительное «источник», имея нейтральную семантику, сглаживает исходный конфликт, зафиксированный в тексте. Заменяя “nightmare” на русское слово «источник», переводчик снимает эмоциональную напряженность, а автор именно здесь хотел ее подчеркнуть. Наш вариант перевода таков: «<...> попытка менеджера избежать неправильного управления путем изменения манеры поведения превращала вполне удовлетворительные отношения в кошмар запутанности и недоразумений».

Смена залога (с активного в английском тексте на пассивный в русском) – также характерная особенность переводного НТ. *“But only executives make decisions”* [11, с. 465] переводчик передал так: «Но только им позволено принимать решения» [12, с. 583]. Русский перевод становится стилистически обезличенным, искажая исходную структуру текста. Здесь будет уместно вспомнить А.Ф. Федорова, который в книге «Основы общей теории перевода» подчеркнул неравноценность грамматических замен: «Грамматические элементы, служащие для выражения более или менее однородного содержания, бывают стилистически неравноценными, то есть далеко не всегда <...> могут служить заменой друг другу» [9, с. 242]. Прагматическая ценность перевода при этом снижается. Наш вариант перевода такой: «Однако только руководители принимают решения».

В отрывке *“With us it is the small decisions which are easy to make – decisions about things that do not greatly matter”* [11, с. 469] автор перевода с помощью прилагательных «мелкие, незначительные решения» и части сложного предложения «решения о в общем-то ничего не значащих вещах» [12, с. 587] усилил его отрицательное содержание: «По сути говоря, нам действительно легче всего даются мелкие, незначительные решения, то есть решения о в общем-то ничего не значащих вещах» (этого высказывания нет в оригинале). «Ничего не значащие вещи», добавленные переводчиком по его воле, снижают ценность высказывания, нарушается семантика НТ. Приведем наш вариант перевода: «У нас именно незначительные решения принимать легко – решения о вещах, которые не имеют большого значения».

Итак, переводчик, меняя контекстуальную эмоциональную насыщенность текста, чаще все-

го усиливает ее, заставляя читателя думать, что автор сам был генератором такой эмоциональной оценки.

В следующих примерах приведены переводы отдельных предложений из книги Ф. Фукуямы "Trust". Всего в тексте объемом в 457 страниц мы обнаружили 16 примеров неточного перевода, некоторые из которых приводим ниже.

Русский перевод отрывка *"It is impossible to maintain that all cultures embed rules that are totally rational in their own terms"* [13, с. 20] подан в таком варианте: «Позиция, согласно которой правила любой культуры совершенно рациональны в ее собственных обстоятельствах, глубоко ошибочна» [14, с. 44]. Автор перевода опустил "embed" («врезаться, высекать»), придав тексту легковесную необязательность, в результате чего пропадает точная, емкая формулировка исходного текста. Введение в текст перевода эмоционально-оценочной лексики («глубоко ошибочная позиция») нарушает логическое повествование НТ: если невозможно утверждать, что во всех культурах укоренены правила, которые являются полностью рациональными, то существует иные правила, однако из этого не следует, что позиция (в данном случае автора) является «глубоко ошибочной». Правильнее было бы дать такой вариант перевода: «Невозможно утверждать, что во всех культурах укоренены правила, которые являются полностью рациональными в рамках собственных культур».

Отрывок *"For example, over the past decade, Americans have become much more aware of the fact that Japan practices both democracy and capitalism according to a different set of cultural norms than does the United States"* [13, с. 5] переведен на русский таким образом: «Так, за последнее десятилетие американцы стали гораздо чувствительнее к тому факту, что в Японии и демократия, и капитализм функционируют согласно иному набору культурных норм, нежели тот, что принят в Соединенных Штатах» [14, с. 16]. Акцент в данном отрывке делается на языковую ментальность, к которой принадлежит автор перевода. "To be aware of the fact" переводится на русский язык как «быть чувствительным к факту», что не вполне адекватно отражает иной понятийный ряд (осознавать, понимать и эмоционально откликаться на ситуацию – взаимосвязанные, но все-таки различные понятия). В результате текст принимает на себя функции обиходной речи, отражает речевые характеристики переводчика. Приводим свой вариант перевода: «Так, за последнее десятилетие американцы стали все больше осознавать, что в Японии как демократия, так и капитализм функционируют согласно иному набору культурных норм, нежели те, что приняты в США».

В отрывке *"But the intellectual victory of the totality of free market economic theory in recent years*

has been accompanied by a considerable degree of hubris" [13, с. 17] английское существительное "hubris" («гордыня, надменность») в русском переводе передано словосочетанием, которое искажает смысл текста: «Однако неоспоримость интеллектуального триумфа экономически свободного рынка в последние годы сопровождается безоглядным высокомерием его приверженцев» [14, с. 38]. Эпитет «безоглядное» в оригинале отсутствует. Привнесение в текст эмоционально-экспрессивных средств, отражающих языковую ментальность автора, снижает прагматическую ценность перевода, придает высказыванию оттенок пафоса, которого оригинал лишен. Приводим свой вариант перевода: «Однако интеллектуальная победа всеобщности экономической теории свободного рынка в последние годы сопровождается определенной степенью гордыни».

В предложении *"Not all economic action arises out of what are traditionally thought of economic motives"* [13, с. 18] наречие "traditionally" при переходе в другую языковую реальность передано как «узкий смысл слова», что придает тексту необязательность, размывая емкую и точную английскую формулировку: «Экономические действия не всегда движимы мотивами, которые считаются экономическими в узком смысле слова» [14, с. 39]. Приводим свой вариант перевода: «Экономические действия не всегда движимы тем, что традиционно считается экономическими мотивами».

В отрывке *"The entire imposing edifice of contemporary neoclassical economic theory rests on a relatively simple model of human nature: that human beings are rational utility – maximizing individuals"* [13, с. 18] неточный перевод словосочетания "relatively simple model of human nature" как «незамысловатая модель человеческой природы» снижает планку повествования, придавая тексту совершенно иной смысл: «Вся современная неоклассическая теория зиждется на одной, сравнительно незамысловатой модели человеческой природы: человек как «рациональный» индивид, стремящийся к максимизации полезности» [14, с. 40]. Смешение разговорного и научного жанров вносит оттенок необязательности и ложной фривольности, искажая при этом сам оригинал. Приводим свой вариант перевода: «Вся современная неоклассическая теория зиждется на одной, сравнительно простой модели человеческой природы: человек как рациональный индивид, стремящийся к максимизации полезности».

Перевод предложения *"But human beings act for nonutilitarian ends in aratoinal, group-oriented ways sufficiently often that the neoclassical model presents us with an incomplete picture of human nature"* [13, с. 21] дан в таком виде: «Тем не менее, поскольку люди никогда не прекратят действовать нерационально и коллективистски, у нас есть все основания счи-

тять «неоклассическую» картину мира человека неполной» [14, с. 46]. Категоричность утверждения, свойственная русскому переводу и умноженная на размытую в переводе семантику словосочетания “group-oriented ways” (что переведено «коллективистски»), отражает языковую модель мира автора, однако отнюдь не автора оригинала: безапелляционность суждения, отраженная переводчиком, не предполагает альтернативность мнений. Приводим свой вариант перевода: «Однако достаточно часто люди стремятся к неутилитарным целям, действуя в интересах группы иррационально, поэтому неоклассическая модель передает нам неполную картину человеческой природы».

Отрывок “*Certainly macroeconomic policy is important, but it must be applied within a particular political, historical and cultural context*” [13, с. 21] переводчик перевел так: «*Макроэкономическая стратегия, каков бы ни был взгляд на этот важный инструмент развития, всегда должна выработываться с учетом коллективного, исторического культурного контекста*» [14, с. 46]. Попытка автора дать свое толкование фразы «каков бы ни был взгляд на этот важный инструмент развития» и неточности перевода (политический контекст переведен как культурный) вносят двусмысленность в содержание отрывка, а перевод английского глагола “apply” («применять») как «вырабатывать» совершенно искажает его смысл. По сути отрывка стратегия должна не только существовать на бумаге, но и применяться на практике. Приводим свой вариант перевода: «Конечно, макроэкономическая политика важна, но она должна применяться в конкретных политическом, историческом и культурном контекстах».

Отрывок “*The greatest economic efficiency was not necessarily achieved by a rational self-interested individual but rather by groups of individuals who because of preexisting moral community are able to work together effectively*” [13, с. 21] на русский переведен таким образом: «*Поэтому наибольшая экономическая эффективность не обязательно достигается рациональными и эгоистически настроенными индивидами. Скорее, это прерогатива групп индивидов, которые, имея этическую общность в качестве фундамента, открывают для себя перспективу эффективного совместного труда*» [7, с. 45]. Переводчик в данном фрагменте допускает ряд неточностей: он переводит “are able to work” как «открывать для себя перспекти-

ву» (использует широкое понятие вместо узкого значения); не соблюдает нормы узуса (нельзя в русском языке сказать «иметь этическую общность в качестве фундамента»); также происходит нарушение синтаксиса языка перевода. В результате текст становится тяжеловесным, наукообразным, пропадает точная и емкая исходная формулировка. Приводим свой вариант перевода: «Наибольшая экономическая эффективность не обязательно достигалась рациональным эгоистически настроенным индивидом, а скорее группой индивидов, которые благодаря существующему на бессознательном уровне моральному единству способны вместе действовать эффективно».

Выводы. Таким образом, при переводе на русский язык НТ следует избегать неправильного декодирования эмоционально окрашенных лексических единиц. Не следует переводить наукообразные обороты в разговорный регистр, для стилистически окрашенной лексики необходимо выбрать либо семантически нейтральный вариант, либо зафиксированный в языке фразеологический оборот, равноценный оригиналу. Научный текст, являясь терминологически насыщенным и в основном сохраняя свою эквивалентность при переводе терминов и привычных формулировок при декодировании стилистически окрашенной лексики, отступает от исходного текста и несколько смещает стилистико-семантическое наполнение оригинала. Вследствие этого происходит нарушение как нормы эквивалентности, так и прагматической нормы. Эмоционально-стилистические и ассоциативно-образные аспекты оригинального текста интерпретируются неверно. Это происходит в основном из-за смешивания культурологической языковой модели автора перевода и автора исходного текста, при котором в переводном тексте появляются категоричные высказывания и эмоциональные лакуны. При декодировке НТ переводной текст становится линейным, категоричным, утрачивая подтекст и нюансировку, свойственную оригиналу. Языковые штампы переводчика и толкование содержания, привнесенное в текст по его воле, деформируют переводимую языковую реальность и снижают качество перевода.

Необходимо принятие в отношении издательских фирм государственной политики, сводящей к минимуму возможность выхода из печати неадекватных переводов научных текстов.

Литература

1. Пумпянский А.Л. Чтение и перевод английской научной и технической литературы: лексика, грамматика, фонетика, упражнения / А.Л. Пумпянский. – Минск : ООО «Попурри», 1997. – 608 с.
2. Борисова Л.И. Лексико-стилистические трансформации в англо-русских научно-технических переводах / Л.И. Борисова. – М. : ВЦП, 1981. – 168 с.
3. Борисова Л.И. Лексические особенности англо-русского научно-технического перевода : [учеб. пособие] / Л.И. Борисова. – М. : МПУ, 2001. – 208 с.

4. Ванников Ю.В. Типы научных и технических текстов и их лингвистические особенности / Ю.В. Ванников. – М. : ВЦП, 1984. – 240 с.
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : [учебник для ин-тов и фак-тов иностр. языка] / В.Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.
6. Ковалева Е.И. Развитие навыков чтения научной литературы на английском языке : [пособие для аспирантов] / Е.И. Ковалева, И.И. Рахманова, И.А. Трахтенберг. – 2-е изд. – К. : Наукова думка, 1989. – 200 с.
7. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 2002. – 390 с.
8. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : [учебник для ин-тов и фак-тов иностр. языка] / В.Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.
9. Федоров А.Ф. Основы общей теории перевода / А.Ф. Федоров. – М. : Высшая школа, 1968. – 230 с.
10. Бархударов Л.С. Пособие по переводу технической литературы: английский язык : [учеб. пособие для студ.] / Л.С. Бархударов, Ю.И. Жукова, И.В. Квасюк, А.Д. Швейцер. – М. : Высшая школа, 1967. – 284 с.
11. Drucker P.F. Management: Tasks, Responsibilities, Practices / P.F. Drucker. – New Brunswick (USA) ; London (UK) : Transaction Publishers, 2007. – 839 p.
12. Друкер П.Ф. Менеджмент: задачи, обязанности, практика / П.Ф. Друкер ; пер. с англ. Т.А. Мороз, А.Н. Свирид, Ю.А. Полонской. – М. ; СПб. ; К. : Вильямс, 2008. – 989 с.
13. Fukuyama F. Trust. The social virtues and the creation of prosperity / F. Fukuyama. – New York : A Free Press Paperbacks Book, 1995. – 457 p.
14. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. Д.Б. Павловой, В.В. Кирющенко, М.А. Колопотина ; под общ. ред. М.А. Колопотина. – М. : ООО «Издательство АСТ» ; ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.

УДК [81'38:81'255.4]:82-31*Эдгар По[045]

Новікова К. О.

МЕТОДИ ВІДТВОРЕННЯ СТИЛІСТИЧНИХ ФІГУР І ТРОПІВ У ПРОЦЕСІ ПЕРЕКЛАДУ ХУДОЖНІХ ТЕКСТІВ (НА МАТЕРІАЛІ РОМАНУ Е. А. ПО «ПАДІННЯ ДОМУ АШЕРІВ»)

Стаття присвячена дослідженню методів відтворення англійських стилістичних фігур і тропів у процесі їх перекладу українською мовою. У роботі запропонована класифікація методів відтворення та розглянуті лексико-семантичні, граматичні та стилістичні трансформації, які використовуються в процесі застосування цих методів.

Ключові слова: стилістична фігура, троп, метод відтворення, трансформація, переклад, художній текст.

Новікова Е. А. Методы передачи стилистических фигур и тропов в процессе перевода художественных текстов. – Статья.

Статья посвящена исследованию методов передачи англоязычных стилистических фигур и тропов в процессе их перевода на украинский язык. В работе предложена классификация методов передачи и рассмотрены лексико-семантические, грамматические и стилистические трансформации, которые используются при применении этих методов.

Ключевые слова: стилистическая фигура, троп, метод воспроизведения, трансформация, перевод, художественный текст.

Novikova K. O. Methods of stylistic devices reconstruction in the process of fiction texts translation. – Article.

The present article deals with the research of English stylistic devices reconstruction methods in the process of their translation into Ukrainian. The classification of reconstruction methods is figured out and lexical semantic, grammatical and stylistic transformations, which are applied during this process, are considered.

Key words: stylistic device, trope, method of reconstruction, transformation, translation, fiction text.

У всіх стилях мовлення, особливо в художньому стилі, широко використовуються мовні засоби, які посилюють ефект висловлювання завдяки доданню різних емоційно-експресивних відтінків до «пісного» змісту. Слова в художньому творі виконують не лише інформативну, а й естетичну функцію. Для посилення виразності застосовуються різні засоби, частіше за все стилістичні фігури та тропи. Вони поєднують в собі два значення: словникове та контекстуальне. Тому зрозуміти та відтворити стилістичні засоби у мові перекладу може бути не так легко. Саме це викликає у перекладачів найбільшу проблему. Для того, щоб читач міг зрозуміти головну ідею, почуття та емоції, які хотів передати автор у тексті оригіналу, перекладачеві

необхідно зрозуміти зміст тексту, словникове та контекстуальне значення стилістичного засобу.

Аналізом стилістичних засобів англійської мови займалися такі видатні вчені, як І. Арнольд, І. Гальперін, В. Гуревич, О. Клименко, В. Кухаренко, Дж. Ліч, Л. Нелюбін та інші. Проблема перекладу англійських текстів різного спрямування були присвячені роботи Л. Бархударова, Л. Бреева, А. Гордеевої, В. Карабана, І. Корунця, Л. Науменко та інших. Більшість з них досліджували цю галузь, вивчаючи окремі фігури або групи фігур, і запропоновані ними методи відтворення стилістичних засобів можуть бути застосовані під час перекладу, наприклад, лише окремих тропів або стилістичних фігур. Тому **актуальність** робо-